

Библиотека Гумер - философия

На главную | Новые книги | Каталоги: Именной | Хронологический | Авторы | Рефераты | Форум | Ссылки | Связь | помощь сайту

Библиотека

всеобщая история
журналистика
история России
история древнего мира
культурология
литературоведение
наука
педагогика
политология
право и юриспруденция
психология
социология
философия
художественная литература
Школьная литература
экономика и менеджмент
юмор
языкознание

Теология

Конфессии

Другие проекты

Мюнх Р. Взаимопроникновения экономики и морали

1) Взаимопроникновение: структурный принцип модерна

Исследования процесса модернизации показали, что взаимо-проникновение различных сфер человеческой деятельности является структурным принципом модерна (Munch 1984/1992c). Этот тезис перекликается с идеями Макса Вебера, согласно которым, модерн понимается формирование особого типа рациональности, который он называет "рациональностью мирового господства" (Weber 1920/1972a, 1920/1972b, 1920/1971a, 1922/1976). В отличие от распространенных интерпретаций веберовской теории рациональности (Schluchter 1979, 1988) мы обращаем внимание на то, что исследованные Вебером образцы современной рациональности отнюдь не характеризуются односторонней автономностью, которая подчиняется исключительно собственным законам. Скорее, каждый рассмотренный образец представляет собою специфическую комбинацию противоположных закономерностей. Так современная экономика отнюдь не исчерпывается только безудержным стремлением к наживе и абсолютным утилитаризмом, а является своеобразной комбинацией, которая сочетает имеющий религиозные корни методически-рациональный образ жизни с деятельностью по экономическому жизнеобеспечению. Современное государство не руководствуется примитивной логикой силы, а сочетает использование политической власти с верховенством права. Современная наука не ограничивается экспериментаторством, а представляет собою методическую деятельность, в ходе которой рациональный эксперимент тесно связывает накопление эмпирического опыта с систематической работой по созданию научной теории. Здесь не место вдаваться в подробности. Важно, однако, подчеркнуть, что неверно представлять себе современное общество состоящим из автономных сфер, живущих по собственным законам и не имеющих взаимосвязей. Это критическое замечание относится в частности к теории функциональной дифференциации общества, разделяющей его на самостоятельные ("самореферентные") подсистемы (Niklas Luhmann 1978, 1981, 1984, 1986, 1988, 1990, 1993).

2) Профессиональная деятельность: между экономикой и моралью

В результате взаимопроникновения двух различных систем возникает особая зона этого взаимопроникновения, которая является новой системой и одновременно связующим звеном между двумя исходными противоположными системами. Так, Лютер инициировал, а кальвинизм с еще большим радикализмом продолжил переосмысление мирского профессионального труда в качестве религиозного подвижничества (Weber 1920/1972a: 63-163). Это привело к тому, что экономическое поведение стало восприниматься как исполнение религиозного долга, которое соответственно должно руководствоваться законами религиозной морали, однако, с другой стороны, исполнение религиозного долга оказалось помещенным в экономическую сферу и, следовательно, должно было подчиняться закономерностям этой сферы. Трудовая профессиональная аскеза пуританцев является типичным продуктом взаимопроникновения религии и экономики, которая формировалась шаг за шагом от лютеровской Реформации через кальвинизм к собственно пуританской морали. Когда Макс Вебер (1920/1972a: 203) говорит: "пуританец хотел быть профессионалом, мы вынуждены стать таковыми", он отнюдь не имел в виду, что нынешний профессиональный труд движим исключительно утилитаристскими мотивами и ему не присуща этика профессионального долга. Это опровергается уже Бенджамином Франклином (1944) и его размышлениями о секуляризованной профессиональной этике (Weber 1920/1972a:31-33; Lidz 1979; Munch 1986/1993: 308-311). Разумеется, в профессиональной деятельности мы подчиняемся экономическим императивам, однако то, как мы относимся к ним и как справляемся с ними, определяется и сегодня в значительной мере профессиональной этикой, требованиями по поддержанию престижа данной профессии и по сохранению уважения окружающих к лицу, занимающемуся данной профессией. В окончательно секуляризованной обществе именно профессиональная деятельность дает человеку личностную идентичность, общественный статус, уважение или неуважение окружающих. Чем шире развивается равноправие, тем в большей мере это относится ко всем членам общества. У кого нет профессии, у того нет и уважения; кто занимается менее уважаемой профессией, тот пользуется меньшим уважением.

Если согласиться с тезисом Никласа Лумана (Luhmann 1988) о самостоятельности (Autopoiesis) экономики, которая якобы говорит только на языке цен и остается глухой к требованиям морали, то придется забыть, что экономическая деятельность является всегда еще и профессиональной

Насколько Вы удачливы?

Пройди тест и узнай свой жизненный потенциал!
biopotential.ru

Лицензирование для врачей

Медицинское лицензирование. Создание медицинского бизнеса.
www.trauma.ru

Лицензирование ЧОП.

Зарегистрируем ЧОП. Получим лицензию на охрану. Консультации.
www.anika.ru

Украина экономика

Новости, аналитика, статистика Финансовая отчетность компаний
www.securities.com

Лицензия брокера

Готовые инвестиционные компании с лицензией брокера, дилера, ДУ
www.imac.ru

Консультация юриста

Получите бесплатную юридическую консультацию!
www.rusjurist.ru - Москва

Косметика для солярия. Розница

Большой выбор косметики для загара от известных мировых производителей
1010.pp.ru - Москва

Судей обяжут проходить курсы

Верховный суд (ВС) России внес в Госдуму проект поправок в закон О
www.newsland.ru

Реальная денежная магия.

Защита вашего бизнеса. Сильные ритуалы на привлечение денежных потоков
magichelper.ru - Москва

Христианские проповеди

Христианские проповеди (50 руб. за диск). Оплата налож. платежом
www.modad.ru

Учить английский в Лондоне!

Курсы английского языка в Великобритании. Спецпредложения!
www.jeystudy.ru - Москва

Реклама на Бегуне

Реклама от Google

Ноутбуки для поездок.

Лёгкие, вес до 2кг, работа батареи от 3 до 9 часов. Более 40 моделей
www.notik.ru

Узнай на сколько ты тупой

или умный :) Пройди IQ тест. Сравни свой IQ с другими.
iq-level.ru

Бизнес-игра онлайн

Интеллектуальная бизнес-стратегия Построй успешный виртуальный бизнес
www.virtonomica.ru

Сколько Вам лет?

Жизнь – не вечна. Пройдите тест и Узнайте Свой истинный возраст...
vash-vozrast.ru

Кто ты в прошлой жизни?

Узнай кем ты был в прошлой жизни... И может это изменит твое будущее...
ty-kto.ru

Реклама от Google

А V

[Кто ты в прошлой жизни?](#)

Узнай кем ты был в прошлой жизни... и может это изменит твое будущее...

who-are-you.ru

[Кто ты в прошлой жизни?](#)

Узнай кем ты был в прошлой жизни... И может это изменит твое будущее..

v-proshlom.ru

[Финансовый анализ + Оценка](#)

Отчет о финансовом состоянии в Word через 15 минут после начала работы!

www.finanaliz.ru

[Возьми жизнь под контроль](#)

Мне известно, как стать хозяином своей жизни следуя простым правилам

www.myplan4you.com

[Лицензирование для врачей](#)

Медицинское лицензирование. Создание медицинского бизнеса.

www.trauma.ru

деятельностью, которая находится под влиянием норм профессиональной этики.

Профессия является сферой пересечения этики и экономики. В этой зоне взаимопроникновения возникает особая система профессиональной деятельности, которая одновременно подчиняется экономическим законам и этическим нормам, а также служит связующим звеном между обеими системами - этикой и экономикой. Предприниматель, естественно не в силах изменить закономерности экономики, он должен владеть языком цен, для того, чтобы его фирма успешно соперничала на рынке с другими конкурентами. Никто не вправе ожидать от предпринимателя, чтобы он платил своему работнику больше, чем экономически может себе позволить, или чтобы он реализовывал мероприятия по охране окружающей среды, абстрагируясь от рынка и угрозы банкротства. Наоборот, его будут упрекать в неисполнении профессионального долга, если его фирма окажется экономически несостоятельной.

Однако предприниматель руководствуется далеко не только экономическими императивами. Общество предъявляет ему определенные моральные требования. Мера уважения или неуважения со стороны общества по отношению к данному предпринимателю зависит, например, от того, насколько он учитывает в собственной предпринимательской деятельности вопросы социального обеспечения своих сотрудников, насколько способствует повышению их квалификации, насколько энергично поддерживает работу общественных организаций и насколько активно участвует в общественной жизни сам, насколько заинтересован во внедрении передовых и экологических технологий, насколько поддерживает политические мероприятия, направленные на защиту окружающей среды. Моральные факторы подобного рода, получая форму действующего права, определяют экономическое поведение уже в обязательном порядке. Чем большее значение придает общество данным аспектам предпринимательской деятельности, тем сильнее зависит мера общественного уважения к предпринимателю, к руководству его фирмы, к самой фирме, от этих аспектов, которые собственно и задают те рамочные условия, в которых лишь и может осуществляться максимизация прибыли. Институционализированные формы профессиональной и экономической этики выдвигают определенные требования к результатам предпринимательской деятельности. Верно, что предприятие не может расходовать средства на повышение квалификации сотрудников, на их социальное обеспечение, на социальную интеграцию лиц, потерявших рабочие место или на экологические программы, если не накоплен необходимый для этого капитал. Поскольку существование предприятия зависит от его платежеспособности, которая, в свою очередь, может быть обеспечена только рентабельной деятельностью, а не мошенничеством или иными экономическими преступлениями, то предприятие вынуждено совершать хозяйственные операции или признать себя банкротом. В этом смысле, действительно, можно говорить о том, что экономика регулируется собственным кодом, предполагающим постоянную необходимость выбора между "платежом" или "неплатежом", т.е. затратой или не затратой ресурсов (Luhmann 1988: 52-58). Однако предпосылкой этого служит исключение перехода ресурсов в собственность незаконным путем, в основе чего лежит институционализированное право собственности, которое оказывается действенным в той мере, в какой в обществе установлен моральный консенсус относительно неприкосновенности частной собственности, и в той мере, в какой этот консенсус закреплен действующими правовыми нормами, а также в той мере, в какой данные нормы могут быть при необходимости защищены соответствующими санкциями. Таким образом развитость экономики связана с моральным актом, а ее стабильность базируется на устойчивом моральном консенсусе.

Институционализация прав собственности понуждает нас к бережному расходу наших ресурсов, поскольку только посредством передачи наших ресурсов иному собственнику можно приобрести другие ресурсы. Как именно это делается, в каких направлениях расходуются наши ресурсы, определяется конкретной программой, которая, с одной стороны, подчиняется правилам экономической целесообразности, а, с другой стороны, определяется в более или менее значительных объемах правилами социальной солидарности и заботы об окружающей среде, которые закреплены моральным консенсусом и специфицированы в виде правовых норм, что создает определенные императивные рамки для принятия решений о расходовании ресурсов ("платежах").

Тот, кто с точки зрения общества совершает доброе дело, заслуживает морального уважения; совершающий нехорошее дело, заслуживает неуважения. Тот, кто разумно ведет хозяйство, получает прибыль; ведущий хозяйство неразумно, обречен на убытки. Тот, кто делает доброе дело, не обязательно становится богатым, а творящий дело неблагое, не обязательно разоряется. Предпринимателя, получившего высокую прибыль, далеко не обязательно будут уважать больше, нежели того, кто потерпел убытки. В этом смысле, мера уважения или неуважения, с одной стороны, и экономическая прибыль или убытки, с другой, существуют независимо друг от друга. Однако этот факт отнюдь не означает, что здесь вообще нет никаких взаимосвязей. По мере того, насколько экономическая деятельность должна считаться с соблюдением права собственности, а также по мере того, насколько экономическая деятельность представляет собою деятельность профессиональную, - для которой необходимо иметь определенный общественный статус, заботиться об общественном уважении и избегать неуважения, - ориентация экономической деятельности на максимизацию прибыли всегда будет одновременно регулироваться и моральными нормами. Поведение предпринимателей, целых фирм и потербителей определяется этими нормами в той степени, которая соответствует уровню морального консенсуса в обществе и развитостью общественных институтов, призванных следить за благовидностью и неблаговидностью деяний отдельных граждан, за правозаконностью или неправозаконностью их поступков.

Стать партнером

Яндекс [Директ](#)

[Натяжные потолки. Монтаж 1 день](#)

Зимние скидки до 50%. Все цвета. Без выходов. Гарантия 20 лет. Убедитесь сами.

www.bum-bom.com · Москва

[Натяжные потолки SOFFITTO](#)

Германия, Франция. Установка в течении 5 дней. Оплата после установки!

[Адрес и телефон](#) ·

www soffitto.ru · Москва

[Karcher за 2201 руб.](#)

Товар в наличии! Гарантия! Большой выбор альтернативных предложений!

magazinbt.ru · Москва

[натяжные потолки](#)

потолки от производителя

[Адрес и телефон](#) ·

www.magnus.ru

[Продажа, установка видеодомофонов](#)

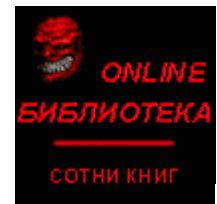
Соттах, Косот, системы видеонаблюдения. Организуем систему контроля доступа

[Адрес и телефон](#) ·

www.vigsec.ru · Москва

[Все объявления](#)

[Дать объявление](#)

[LitBN 100x100](#)

Только там, где экономический успех не требует ничего иного, человек, добившийся успеха, автоматически приобретает и уважение, независимо от того, как расходовались ресурсы. Однако, в чем большей мере общество регулирует и контролирует расходование ресурсов, в тем большей мере достижение экономического успеха зависит от одновременного исполнения моральных требований, приносящего соответствующее моральное уважение. При этом экономичное обращение с дефицитными ресурсами может стать само по себе моральной ценностью. Между системой экономических "платежей" (использования ресурсов) и системой оказания морального уважения вклинивается система профессиональной деятельности, где уважение приобретает за счет "платежей", а прибыль достигается в рамках морально допустимого. Чем большее моральное давление оказывается обществом, тем больше уважения необходимо заработать и подтвердить, чтобы вообще получить признание в качестве делового партнера. Во времена растущих моральных требований к сохранению окружающей среды та или иная фирма, повышая свой общественный статус за счет экологических программ, получает возможность вызвать к себе больший интерес со стороны потребителей, нежели его конкуренты. С ростом моральных требований мораль все прочнее встраивается в экономику.

Система профессиональной деятельности образует зону взаимопроникновения экономики и морали. В качестве связующего звена эта система приносит моральные нормы в экономику и экономические императивы в мораль. Это означает, что каждое экономическое скалькулированное действие во все большей мере регулируется моральными нормами. И, наоборот, составной частью морали становится экономический расчет. Профессиональная мораль предполагает умение делать правильные расчеты и бережно распоряжаться наличными ресурсами. С одной стороны, экономическое поведение служит материалом для морального оформления, с другой стороны, моральное поведение является материалом, обретающим определенную форму, благодаря экономическому расчету. Сотрудничество современного предприятия с активистами экологического движения выводит взаимопроникновение экономики и морали на новую ступень (SPIEGEL 1994b: 82-84).

3) От сословной иерархии к открытой конкуренции за экономический доход и моральный статус

Взаимопроникновение морали и экономики можно представить себе следующим образом: Поначалу оказание уважения или неуважения в соответствии с моральными критериями, с одной стороны, и распределение прибыли или убытков в соответствии с законами экономики, с другой, противостоят друг другу как две независимые, аналитически выделяемые системы, каждая из которых подчиняется собственной логике.

В примитивном родовом обществе обе логики совпадают. Человек, располагающий значительным количеством материальных благ, которыми он может оделять других людей, обеспечивает себе высокое уважение, благодаря чему он может воспользоваться услугами этих людей, чтобы приобрести еще большее богатство (Mauss 1923/24).

Количественный рост населения и развивающееся разделение труда (Durkheim 1893/1973) приводят к устранению параллелизма в родовой иерархии богатства и уважения. Вместо нее формируется иерархия сословий, которая дифференцирует уровни морального уважения параллельно с функциями сословий в системе общественного разделения труда. Духовенство, аристократия, бюргерство и крестьяне образуют иерархическую структуру, где место в моральной иерархии соответствует месту в системе общественного разделения труда. Это относится и к дифференциации внутри сословий, например, внутри бюргерства происходит дифференциация на ремесла, промыслы и торговлю, а внутри каждого подразделения - на цеха или гильдии.

Развитие индустриального капитализма и переориентация распределения уважения от происхождения и имущества к индивидуальным результатам трудовой деятельности в условиях равенства шансов, а также в условиях трансформации моральной поддержки от привилегий и милостыней к равному праву для всех разрушили параллельность между сословной иерархией и общественным разделением труда. В этом смысле дальнейшая дифференциация экономического разделения труда и экономического обмена освободились от уз сословной моральной иерархии. Устранилась параллельность между сословной иерархией и функциональной дифференциацией (разделением труда). Однако было бы совершенно неверно делать из этого вывод, что экономический обмен и разделение труда утратили всяческую связь с распределением морального уважения (Luhmann 1988: 184-201). Скорее, происходит эволюция самих моральных критериев и эволюция их приложения к разделению труда и экономическому обмену. Богатство считается праведным и пользуется моральным уважением лишь тогда, когда оно базируется на результатах личной трудовой деятельности в условиях равенства шансов. Одновременно считается, что одновременно богатство обязывает к рачительности, а также к реинвестициям, которые должны умножать не только благосостояние предпринимателя, но и его работников и всего общества в целом.

Перенос религиозного искуса в сферу профессиональной деятельности и повышение моральной ценности труда по сравнению с имуществом и образом жизни привели к тому, что профессия оказалась единственным источником для приобретения морального уважения. Безделье стало считаться пороком, а трудолюбие - добродетелью. В сословном обществе исполнение религиозного долга и сопутствующее ему моральное уважение дифференцировались в соответствии с разделением на сословия. Так к купеческому сословию предъявлялось меньше требований религиозного характера, поэтому оно пользовалось соответственно меньшим моральным уважением. Лютеровская Реформация перенесла высшее исполнение религиозного долга с монашеской аскезы на личный труд в любой мирской профессии. Любой труд стал божеским призванием после того, как Лютер

включил в понятие "призвания" любую мирскую работу. Кальвин был еще более радикален. Его учение о предопределении оказало чрезвычайно сильное влияние на верующих, заставляя их удостоверяться в собственной избранности. Последователи Кальвина переосмыслили его учение о том божественное предопределение, которое нельзя ни изменить, ни постичь, таким образом, что избранник может быть узан по безупречному образу жизни. Тем самым, профессия стала окончательно сферой религиозного испытания. (Weber 1920/1972 а: 62-163). Профессиональная деятельность служит материалом, которому надлежит придать определенную форму в соответствии с моральными заповедями. С другой стороны, бюргерские слои приверженцев кальвинистских идеалов привнесли в представления о моральных нормах и критерии успешного хозяйствования. Порядочность, расчетливость, хозяйственность, бережливость, трудолюбие и подвижничество, т.е. качества, служащие предпосылками экономического успеха, приобрели характер моральных заповедей, которые определяют богоугодное поведение. Забота о собственной семье, о работниках своего предприятия, поддержка активной жизни своей общины и умножение благосостояния всего общества в целом также вошли в этот круг моральных заповедей. Они также стали составной частью новой профессиональной этики.

Просвещение, буржуазная революция, рабочее движение и секуляризационные процессы не оторвали профессиональную деятельность от моральных обязанностей. Она еще определеннее сделалась единственным легитимным источником доходов и уважения, а моральные требования к профессиональной деятельности еще более повысились. Если высокие требования пуританской этики относились преимущественно к предпринимателю как главе семьи и работодателю, то перечисленные исторические события привели к тому, что идея равноправия при получении доходов и распределении уважения соразмерно результатам личного труда в условиях равенства шансов вовлекает в сферу профессиональной деятельности всех членов общества и предъявляет им соответствующие требования. Тот, кто ранее находился под опекой главы семьи или хозяина предприятия, оказался ныне вовлеченным в систему экономической и моральной конкуренции за материальный доход и общественный статус, соразмерные результатам личной деятельности. Социологические опросы в ФРГ о целях воспитания обнаруживают следующие тенденции: "Послушание" и "готовность к подчинению" назывались в 1951 году в 25% случаев, а в 1981 году этот показатель снизился до 8%. По отношению к "аккуратности" и "прилежанию" перемены оказались незначительными - соответственно 41% и 38%. Зато ценность таких качеств, как "самостоятельность" и "свобода", заметно возросла с 28% до 52% (Emnid 1981: 23; цит. по Pawlowski 1986: 103; ср. также Hoffmann-Nowotny und Gehrmann 1984; Gehrmann 1986).

Особенно за послевоенный период в Германии резко сократилась рабочая неделя, зато увеличилось время учебы и профессиональной подготовки, установились более ранние сроки выхода на пенсию, удлинилась продолжительность безработицы и возросло количество свободного времени. Однако из всего этого отнюдь не следует, что профессиональная деятельность якобы утратила свое значение для формирования личностной идентичности (Noelle-Neumann 1978). Наоборот, увеличение сроков профессиональной подготовки свидетельствует как раз о том, что она в невиданной до сих пор мере влияет на формирование личности. Уход на пенсию воспринимается как резкий перелом в личной жизни. Безработные зачастую страдают от чувства моральной неполноценности. А что касается свободного времени, то на досуге никто не лишается своего профессионального статуса. По результатам социологического опроса, проведенного в 1992 году, 80,8% западных немцев и 89,8% восточных немцев назвали профессию и работу "важными" или "очень важными" элементами жизни. Семья, досуг, а также друзья и знакомые называются в качестве важных так же часто или даже еще чаще, что свидетельствует о высоких требованиях по отношению к нашей жизни. От нее ждут теперь большего, чем раньше. 44,8% немцев на Западе и 47,5% немцев на Востоке считают, что достигли более высокого профессионального статуса, нежели их отцы. 74,4% западных немцев и 92,6% восточных немцев полагают, что работающая мать способна поддерживать не менее сердечные отношения с собственными детьми, чем не работающая (ZA 1992: 13-15, 21, 378). В любом случае эмпирические социологические исследования свидетельствуют о том, что профессия сохраняет центральное значение для формирования личностной идентичности (Hoffmann-Nowotny und Gehrmann 1984, Gehrmann 1986). Растущее равноправие полов приводит к тому, что приобретает уважение не только благодаря услугам, оказываемым семье, но и благодаря профессиональному успеху вне семейного круга. Женское движение добилось среди прочего дальнейшего повышения значимости оплачиваемого труда и одновременно признания высокой значимости неоплачиваемой домашней работы как сферы формирования личностной идентичности и индивидуальной самореализации. Работа, оплачиваемая деньгами, в еще большей степени стала критерием, на основании которого приобретает уважение. "Только домашняя хозяйка" выглядит сегодня - на фоне возможности профессиональной личностной самореализации для женщины - недостаточно самостоятельной, активной, отказывающейся от собственной индивидуальности и излишне угодливой. Это плохо сочетается с господствующим ныне идеалом современного, свободного и отвечающего за себя человека.

Профессиональная деятельность стала центральной сферой самореализации для современного человека. За период существования ФРГ до сегодняшнего периода прослеживается устойчивая тенденция роста коэффициента экономической занятости. Если он несколько снижается у мужчин, то это компенсируется резким ростом занятости у женщин. Показатели экономической занятости распределились в ФРГ следующим образом:

Мужчины (в %)

Женщины (в %)

1950

63,2

31,4

1960

63,6

33,4

1970

59,1

30,2

1980

58,4

32,6

1990

60,8

39,2

1991

60,0

41,1

(Statistisches Bundesamt 1953: 112; 1963: 140; 1971: 121; 1981: 94; 1992: 109; 1993: 110)

В США экономическая занятость среди мужчин в возрасте старше 16 лет составляла на 1970 год 79,7%, среди женщин в возрасте старше 16 лет - 43,3%. На 1991 год соответственно - 75,5% и 57,3% (U.S. Bureau of the Census 1992: 381).

Небывалое количество людей трудоспособного возраста действительно хочет работать. Это одна из причин, по которой рынок труда испытывает сильнейшее давление, в результате чего равновесие между спросом и предложением постоянно нарушается за счет избыточного предложения трудовых ресурсов. Отсюда и высокие показатели безработицы. Это давление усугубляется тем, что, руководствуясь моральными мотивами, мы стремимся предоставить каждому человеку наилучшие возможности для получения образования и профессиональной подготовки, что оборачивается избытком высококвалифицированных работников по сравнению с реальным спросом. Отчасти нарушенное равновесие восстанавливается, благодаря растущим требованиям к профессиональной квалификации. При этом речь идет не только о компетентности в рамках узкой специальности, но о гораздо более широких требованиях, которые подразумевают наличие творческой жилки, инициативность и контактность, развитое чувство личной ответственности и готовность к высокой самоотдаче. Кадровая политика современной фирмы стремится сформировать из каждого работника такую личность, которая по классификации Лоуренса Кольберга (Lawrence Kohlberg 1969, 1987) соответствует шестому уровню постконвенционального морального сознания. Подобная личность способна к самостоятельным и ответственным действиям, она умеет предвидеть последствия собственных действий внутри фирмы и вне ее, нацеливая их таким образом, чтобы они всегда служили на благо своей фирмы, всего общества и даже человечества в целом. Современная фирма может рассчитывать на успех в долгосрочной перспективе лишь в том случае, если будет ориентироваться не на сиюминутную выгоду, а действовать так, чтобы кооперация и сотрудничество на локальном, региональном, национальном, международном и глобальном уровне постоянной улучшалось и становилось все более интересным и взаимовыгодным для всех сторон. Каждый кадровик понимает, что должен руководствоваться этим.

Постоянный рост образовательного уровня у широких слоев населения, реализация высокого образовательного уровня в рамках профессиональной деятельности, возникновение системы непрерывного образования для всех периодов жизни, все большее распространение квалификационных программ на предприятиях, нацеленных в частности на развитие личной самостоятельности и ответственности, приводят к постоянному повышению моральных требований, предъявляемых к профессиональной деятельности. Неизменно возрастает доля населения, количество людей, которым приходится соответствовать данным требованиям; умножается и сам состав моральных требований, настоятельно предъявляемых все более широкому кругу профессий и должностей. Благодаря тому, что профессиональная деятельность исполняет роль связующего звена, современная мораль проникает в сферу экономики все более широким фронтом и все более глубоко.

Таким образом, процессы секуляризации отнюдь не уменьшили количество и состав требований к профессиональной деятельности, а преумножили их. Сюда же относятся и моральные заповеди. Если сегодня профессиональная деятельность воспринимается не столько как исполнение долга, сколько как самореализация личности, то подобная эволюция отнюдь не означает деморализации профессии. Скорее, дело обстоит так, что профессия увязывается сегодня не с традиционной этикой долга, а с современной этикой самореализации ответственной личности. Как и раньше, к профессии предъявляются наивысшие моральные требования. Профессия предполагает для нас необходимость личностной самореализации и личной ответственности. Если их не хватает (в силу внешних обстоятельств, личных недостатков или объективных ролевых факторов, свойственных данной профессии), то соответственно меньшей будет и мера уважения.

Предоставление все большему количеству людей равных шансов на личностную самореализацию в сфере профессиональной деятельности, удлинение сроков профессиональной подготовки, повышение научной и технической квалификации специалистов, расширение кооперационных связей внутри предприятия и вне его вплоть до глобального уровня, усиление безопасности труда и производства, упрочение солидарности в рамках системы социального обеспечения, рост затрат на мероприятия по повышению квалификации и по охране окружающей среды не только не снизили уровень моральных требований, предъявляемых к

профессиональной деятельности, но несомненно весьма значительно повысили его. Моральное давление на профессиональную деятельность возросло хотя бы уже потому, что Просвещение чрезвычайно радикализовало представления о морали, высвободив моральные дискурсы из уз сословного общественного уклада с его дифференцированной системой привилегий. Идеалы равноправия, солидарности по отношению к каждому человеку, идеал прогресса для всего человечества дали импульс моральным дискурсам, которые не ставят применительно к моральным требованиям каких-либо принципиальных границ для повышения уровня этих требований или расширения сферы их действия; речь может идти разве только о фактических границах, неизменно подлежащих пересмотру и преодолению.

Сегодня мы со все ускоряющейся периодичностью становимся свидетелями инсценированных в СМИ общественных "трибуналов", которые расследуют дела, связанные с торговлей оружием, серьезными технологическими нарушениями в сфере безопасности производства, с экологическими преступлениями, с массовой ликвидацией рабочих мест и закрытием целых предприятий. Однако подобные явления нельзя рассматривать лишь как симптомы моральной деградации или равнодушия экономики к моральным проблемам. Нельзя также считать, что все наши возмущения напрасны, поскольку, дескать, функциональная самодостаточность (Autopoiesis) экономики не оставляет возможности для морального воздействия на нее. Во-первых, вряд ли можно оспорить соображение, что умножающееся количество общественных "трибуналов" объясняется в значительной мере повышенной моральной чуткостью общества. Развитию моральной чуткости общества способствуют и философские дискурсы о справедливости, и деятельность огромного количества "моральных организаций", вроде Greenpeace, Friends of the Earth, Robin Wood или World Wildlife Fund. Здесь же следует упомянуть ту роль в моральной мобилизации населения, которую играют новые социальные движения и растущая агрессивность "разоблачительной журналистики", увеличивающая газетные и журнальные тиражи, подхлестывающая рейтинге телевизионных и радиопрограмм. Все это оказывает моральное давление на ужесточение законодательства, на активизацию деятельности правоохранительной системы применительно к требованиям, связанным с растущей моральной чуткостью общества. Этот ансамбль мер против деморализации экономики служит гарантом для осуществления ее непрерывного взаимопроникновения со сферой морали и для сохранения за профессиональной деятельностью функции связующего звена между экономикой и моралью.

Чем сильнее экономический дискурс вторгается в конкретные проблемы экономики, тем больше приходится ему считаться с объективными экономическими законами, с пониманием того, что нельзя съесть пирог и одновременно сохранить его. Здесь все зависит от кропотливой экономико-моральной работы подобных общественных "трибуналов". Эта работа совершается в общественных комиссиях, для которых эксперты по моральным, научным, политическим и экономическим аспектам проблемы представляют свои заключения, чтобы на их основе совместно подготовит соответствующие нормативные акты, которые, соединив экономические реалии с моральными нормами, станут обязательными для сферы профессиональной деятельности. Без этой кропотливой работы общественного дискурса в непубличных рабочих органах будет происходить лишь распаление страстей и "перегрев" коммуникации, что не способствует нахождению правильных решений. Спровоцированная коммуникационная лавина не поможет достичь взаимопонимания и обернется стремительной девальвацией слов, когда в ход пускаются лишь все более громкие заявления и взаимные обвинения. Чрезмерная драматизация проблем, с одной стороны, или крайнее преуменьшение их серьезности, с другой, вызывают коммуникационную инфляцию, в результате которой люди перестают доверять друг другу, сама коммуникация нарушается, а растущее недоверие оборачивается слепым акционизмом, переходящим в прямое насилие и вызывающим ответное насилие (Munch 1991/1992 b: 103-108).

4) От либеральной экономики к экономике благосостояния

Индивидуалистская профессиональная этика создала моральные основы для экономического либерализма (Smith 1776/1937), которая сохраняет свое влияние до нынешнего дня в той мере, в какой моральное уважение за результаты личного труда или соответствующие платежи концентрируются там, где производятся пользующиеся спросом товары и услуги. Однако развитие современной экономики не остановилось на данной ступени взаимоувязки между уважением и платежами. Следующей ступенью стало формирование экономики благосостояния (Pigou 1920/1960). Между экономикой и моралью возникает система моральных платежей развитой экономики благосостояния, где получение платежей осуществляется на основе моральных прав, а выплата этих платежей - на основе моральных обязанностей. Моральные требования исполняются в рамках экономических возможностей. Мораль и распределение уважения или неуважения немислимы в современном обществе без учета экономических реалий; подобный учет тем более необходим, чем больше благ предоставляется нуждающимся. Если сегодня ожидается, что каждый человек имеет право на достойное в материальном отношении существование независимо от собственной экономической дееспособности, то мораль перестает сводиться к раздаче милостыней и превращается в развитую систему экономики благосостояния, которая направлена на повышение благосостояния всех членов общества. Это означает, что преодоление дефицита ресурсов обеспечивается широкой программой экономического роста. Тем самым объективные экономические императивы приобретают небывало высокий приоритет. Халатность, нерадивость, расточительство может позволить себе лишь то общество, которое не берется обеспечить благосостояние всех своих членов. В экономике благосостояния сама мораль подчиняется экономическому диктату, поскольку мораль ставит в центр общественной жизни умножение и распределение благосостояния. В

моральных оценках учитываются экономические реалии. Творить добро - означает заниматься деятельностью, которая способствует умножению прибавочной стоимости, созданию новых рабочих мест и, тем самым, повышению объема социальных отчислений. Оценка самого предметного содержания деятельности отступает на задний план. Динамика экономического цикла поддерживается нами за счет производства такой продукции, которая представляется весьма проблематичной, если взглянуть на нее с точки зрения морали, не ограничивающейся рамками экономики благосостояния. Так производство и потребление табачной продукции ведет к росту раковых и сердечно-сосудистых заболеваний, экспорт оружия увеличивает количество военных конфликтов, демонстрация насилия в кинофильмах и на телевидении приводит к росту насильственных преступлений, каждое туристическое путешествие вносит свой вклад в разрушение природной и социо-культурной среды. Однако все эти экономические операции увеличивают объем валового общественного продукта, что позволяет обеспечить для широких слоев населения достаточно высокую занятость, стабильные доходы и высокий уровень социального обеспечения. Экспорт оружия обеспечивает высокий уровень внутренней солидарности внутри национального государства всеобщего благосостояния. Это служит моральным оправданием в частности и для экспорта оружия. Экономические императивы все шире и глубже вторгаются в сферу морали, особенно если не ставятся под вопрос их более разносторонние последствия. Тогда моральным считается все, что способствует увеличению валового общественного продукта. Темпы роста валового общественного продукта, служащие показателем правильной жизненной стратегии, рассчитываются самым скрупулезным образом, соответствующие данные регулярно публикуются и детально обсуждаются. Если валовой общественный продукт растет, то эксперты и телевизионные комментаторы не скупятся на похвалы в адрес работодателей и предпринимателей, потребителей и производителей, правительства, центрального банка, административных органов и граждан, ученых и техников. Трудовое рвение, предпринимательская дальновидность, активность инвесторов, умеренность тарифных требований профсоюзов, мудрая экономическая, финансовая и денежная политика, высокая инновативность науки и техники, энергичное потребление - все это объявляется добродетелями, которые поощряются хорошими показателями темпов роста валового общественного продукта. Если же темпы экономического роста снижаются, и говоря уж об уменьшении объемов валового общественного продукта, то неизбежно следует острая критика. С амвонов телевизионных студий раздаются общественные порицания в адрес ленивых, склонных к безделью и прогулам, но одновременно излишне требовательных работополучателей, близоруких и боящихся риска предпринимателей и инвесторов, ошибочных действий правительства и центрального банка, косных бюрократов, беспомощных ученых и техников, а также слишком пассивных потребителей. Всякий, кто, обладая трудоспособностью и энергией, не является, однако, ревнителем культа экономического роста, оказывается морально ущербным. Этот культ имеет и своих верховных жрецов в лице "пяти мудрецов", составляющих совет экономических экспертов при немецком правительстве, и множество проповедников, роль которых берут на себя комментаторы газет и журналов, радио и телевидения. Превращение экономики благосостояния в своего рода вероисповедание современного общества открыло широкий доступ экономическим реалиям и императивам в сферу морали. Они проникли в нашу мораль настолько разносторонне и глубоко, что она стала поистине моралью экономического роста, которая нетерпима к иным божествам. Эта мораль действительно может сослаться на такие успехи, достигнутые в прошлом, как улучшение жизненного уровня, ликвидация нищеты и несправедливостей. Она и впрямь располагает огромной армией своих служителей. Экономический "клир" (Profession) намного опередил теологов, юристов, медиков и по численности, и по широте интервенции в самые разные сферы жизни общества. В специалистах по бюджету и финансам нуждаются не только коммерческие предприятия, но и административные органы, правительства, политические партии, объединения предпринимателей и профсоюзы, театры, музеи, университеты, научно-исследовательские институты, церкви, секты, и даже семейные домашние хозяйства, причем эта потребность становится тем острее, чем больших результатов необходимо достичь за счет неизменно дефицитных ресурсов. Поэтому экономическое мышление действует не только непосредственно в экономике. Нет такой сферы жизнедеятельности, которой оно не затронуло бы. (...) Занимая господствующие позиции, специалисты по экономике и финансам представляют собою стабильную основу и достаточно широкий социальный слой носителей экономической морали. Без этого слоя людей, играющих роль жрецов экономического вероучения и блюстителей экономической морали, ее верховенство было бы невозможным. Масштабы воздействия экономических законов на общество объясняются отнюдь не освобождением экономики от морали, а тем, что экономика благосостояния приобрела для общества статус морального кодекса, следование которому обеспечивается постоянным и пристальным наблюдением за экономически благонадежным поведением общества посредством измерения темпов экономического роста, ритуальными клятвами в приверженности экономическому вероучению, которые имеют вид экспертных заключений или выступлений комментаторов, а также авторитетом экономической и финансовой элиты. Без этой "морально-религиозной" основы экономические законы не соблюдались бы столь ревниво, они контролировали бы гораздо меньше сфер общественной жизнедеятельности и гораздо чаще нарушались бы экономически иррациональными действиями, чем это происходит ныне в современном обществе. Перефразируя Бодриера (Baudrillard 1983), можно сказать, что экономика сменилась "транс-экономикой", а мораль - "транс-моралью". Функциональные системы покинули свое традиционное институциональное ложе и взаимно поглощают друг друга. Ни у экономики, ни у морали больше

не существует институциональных границ. Произошло их взаимопроникновение, делающее невозможным их эмпирическое различие друг от друга. Вот почему экономика так мало уязвима для морали. Она попросту увлекла мораль на свою сторону. Мораль же, лишившись невинности, контаминирована экономикой и вынуждена идти на все новые компромиссы, поскольку уже главный компромисс с экономикой уже все равно свершился.

5) От экономики благосостояния к экологической экономике

Экономика благосостояния сумела восторжествовать с такою широтой и глубиной в частности потому, что она воспринимается как основа для осуществления моральных идеалов. Когда пирог постоянно растет, то смягчаются конфликты, связанные с распределением, что влияет на общество умиротворяющим образом, облегчается положение нуждающихся, улучшается ситуация в области здравоохранения, возникают благоприятные условия для обеспечения гражданских свобод и равноправия для все более широких слоев населения. Валовой общественный продукт, поддающийся точному измерению, становится своего рода оценочной шкалой, с помощью которой можно оценивать, насколько благонаравно и благоразумно ведет себя общество. Складывается впечатление, что это позволяет косвенным образом учитывать состояние и различных моральных норм, поскольку основой для их реализации является экономический рост. Простота вычисления экономических параметров в немалой мере способствовала их долгожительству в качестве критерия оценки. В то же время собственно моральные качества не поддаются столь простой квантификации, а поэтому с их помощью нелегко поставить под сомнение мораль экономического роста.

Соображения о том, что существуют пределы экономического роста, и указания на его отрицательные последствия в виде вооруженных конфликтов, экологических катастроф, негативных эффектов для человеческого здоровья отводятся ссылкой на возможность частичных "аномалий" в рамках прогрессирующего благосостояния, рост которого всегда можно точно измерить; это делается до тех пор, пока сами "аномалии" не удаётся ввести в состав новой квантифицируемой модели благосостояния, т.е. его новой экономической парадигмы (Leipert 1989). Так сохранность окружающей среды переосмысливается как экономическая проблема. Экологическая экономика трактует природную и социокультурную среду, окружающую человека, как глобальное всеобщее благо, т.е. такой ресурс, который должен постоянно возобновляться, чтобы быть в наличии для дальнейшего использования. Вопрос состоит в том, чтобы найти оптимальную точку экологической нагрузки, где кривая затрат, определяющая нагрузку на окружающую среду, пересекается с кривой затрат, необходимых для сохранения окружающей среды (Wicke 1989: 361). При этом, однако, остается неясным, представляет ли природная и социокультурная среда такую ценность, которая должна быть защищена от любого вторжения. С точки зрения экономики благосостояния, речь здесь идет о целине, которая приносит мало пользы в сводном экономическом балансе мировой экономики. Природный заповедник, куда доступ закрыт, никому не приносит пользы, если, конечно, не считать, что он служит глобальному сохранению естественных ресурсов. Его полезность возрастает соразмерно с количеством туристов, которые могут получить доступ в этот заповедник, не нанося ему при этом ущерба. Встает, однако, вопрос, с чего начинается этот ущерб. Можно считать, что ущерб возникнет уже с первым посетителем, поскольку окружающая среда станет уже не той, какой она была прежде. Сводный баланс мировой экономики не учитывает, однако, подобных тонкостей. Для него ценность заповедника уменьшится лишь тогда, когда упадет число получивших туда доступ туристов, которые не смогут извлечь пользу из своего пребывания. Экологическая экономика приводит, разумеется, к дальнейшему развитию экономической морали, однако она остается существовать в рамках экономической парадигмы. Чем дальше идет ее развитие, тем прочнее ее привязка к кодексу экономической морали.

Экологическая экономика является неизбежным следствием (социальной) экономики благосостояния с ее программой благосостояния для всех. Если мы включаем в состав моральных императивов сохранение окружающей среды, то дефицит ресурсов по сравнению с нашими потребностями заставит нас перейти к в высшей степени калькулируемой экологической экономике. Экономическая калькулируемость становится необходимой составной частью морального поведения. Экономика потому так успешно проникает в мораль, что с расширением моральных прав все большую значимость приобретают законы ресурсного дефицита. Покуда лишь немногочисленным богачам вменялась в обязанность милостыня, не возникал императив экономики благосостояния. Экономика благосостояния переносит экономическое калькулирование на сферу солидарностной помощи, которая оказывается в соответствии с моральными идеалами. Чем шире трактуется моральное право каждого человека на достойное существование и чем больше людей пользуется этим правом, тем больше ресурсов необходимо представить на эти цели за счет экономического роста. Пока причастными к благосостоянию были лишь немногие, не было и императивного побуждения перехода к экологической экономике. Она не предполагает ограничения экономического мышления; скорее, происходит его расширительный перенос на экологическую сферу. Тотальное затратное, расточительное, абсолютно неэкономическое отношение к окружающей среде, присущее обществу благосостояния, все более заключается в корсет бережливого обращения с дефицитными экологическими ресурсами. Экономика благосостояния и экологическая экономика создают зоны взаимопроникновения морали и экономики. Эти зоны служат мостиками для транспортировки императивов экономической сферы в моральную сферу и наоборот. Это означает, что моральное поведение подлежит оформлению с помощью экономического расчета и, наоборот, экономическое поведение

становится исходным материалом для оформления в соответствии с критериями морального уважения.

б) Три ступени взаимопроникновения экономик и морали: экономический либерализм, экономика благосостояния и экологическая экономика

Попробуем систематизировать предшествующие соображения относительно исторического развития взаимосвязи между платежами и уважением и наметить направления, по которым современное общество должно формировать новые институты.

Структурирование современной капиталистической экономической системы нельзя правильно понять, если трактовать его лишь как результат высвобождения нейтральной по отношению к морали сферы рационального экономического поведения, ориентированного на извлечение прибыли, из моральных уз традиционного и сословного общества. Скорее, речь идет о такой структурной трансформации общества, которая включает в себя и эволюцию самих моральных основ. Экономическое поведение хотя и освобождается от традиционной и сословной морали, однако одновременно оно приобретает новую моральную основу. Традиционные и сословные ограничения, существовавшие для ремесел, промыслов и торговли, снимаются. Сословные привилегии, распределение потребительского рынка между цехами и гильдиями, религиозное осуждение ростовщичества и кредитов, традиционные представления о справедливой цене сменяются открытой конкуренцией за дефицитные ресурсы, свободным экономическим обменом, свободным распоряжением собственным имуществом и свободой договорных отношений. Шансы экономического успеха определяются теперь не местом в сословной иерархии, а результатами деятельности в рамках свободной конкуренции и свободного экономического обмена на основе свободных договорных отношений.

Эта структурная эволюция могла осуществиться лишь потому, что традиционно-сословная мораль уступила место современной индивидуалистической морали. Если традиционно-сословная мораль определяла уважение к конкретному человеку его сословной принадлежностью, данной ему по рождению, то современная индивидуалистическая мораль видит в отдельном человеке только свободного индивидуума, уважение к которому определяется исключительно результатами его личной трудовой деятельности, чем бы этот человек ни занимался. Корни подобной структурной эволюции морали Макс Вебер (Weber 1920/1972a) усматривал в аскетическом протестантизме. Здесь совершается прорыв к индивидуалистической профессиональной этике, которая становится моральной основой экономической деятельности. Эта этика делает результаты личной трудовой деятельности в условиях открытой конкуренции единственным легитимным источником одновременно и достатка, и уважения. Эта этика формирует также критерии моральной легитимности профессионального успеха: честность, порядочность, надежность, трудолюбие и рачительность. Буржуазные добродетели становятся универсальными моральными нормами всего общества. Более того, буржуазные добродетели увенчиваются особым ореолом праведности, поскольку согласно кальвинизму личные трудовые усилия каждого одновременно совершаются во славу Господа, а согласно секуляризованному либерализму они служат также благу всего общества. Движение от Кальвина к Адаму Смиту, Иеремии Бентону и Джону Стюарту Миллю знаменуется не упадком морали, а сменой основ - от божественной к общественной (Weber 1920/1972 a: 84-236; Smith 1759/1966, 1776/1937; Bentham 1789/1970; Mill 1861/1974).

Особенно повысилась моральная ценность умения справляться с дефицитом ресурсов. Тот, кто своими индивидуальными усилиями способствует решению проблем дефицитности ресурсов, получает соответствующее поощрение либо в виде увеличения денежных доходов, либо в виде морального уважения. Таков либерализм. Он представляет собою не только научную теорию рационального хозяйствования, но и способ моральной легитимации капиталистической экономики и принципа поощрения сообразно с результатами личной трудовой деятельности в рамках открытой рыночной конкуренции.

Бинарный код "платеж - неплатеж" бессодержателен. Он ничего не говорит о том, кто совершает (или не совершает) платеж, за что, кому и в каком размере. Конкретный акт платежа или неплатежа может произойти только после того, как будет сформирована определенная программа, которая затем реализуется в силу индивидуальных мотивов. Формирование программы происходит в рамках социальной системы путем институционализации нормативных правил, которые имеют как вид правовых норм, так и вид моральных норм. Те и другие могут действовать (...) лишь в том случае, если на их счет в обществе достигнут моральный консенсус. Правовые институты свободной частной собственности, свободных договорных отношений и индивидуалистической профессиональной этики образуют основу для программы, которая регулирует акты платежей или неплатежей. Эти институты не остаются чем-то внешним по отношению к подобному акту, а конституируют его. Без такой программы вообще не приходилось бы делать платежей, чтобы удовлетворить собственные потребности. Тогда либо у человека все есть, и ему ни за что не надо платить; либо у него ничего нет, и он целиком зависит от подаяний; либо у человека есть деньги, однако он ничего не может купить; либо человек получает желаемое не платежом, а силой или обманом. Индивидуалистическая профессиональная этика, свободная частная собственность и свобода договорных отношений являются не контекстом экономической деятельности, а ее конститутивным составным элементом. (...)

В реальном и конкретном акте экономической деятельности экономика и мораль взаимно проникают друг в друга. Имущественное право, договорное право и все экономическое право формируют зону взаимного проникновения, где мораль, право и экономика образуют пересекающееся

множество. Чем больше моральной аргументации учитывается правоприменением, тем больше право становится проводником, посредством которого моральные соображения учитывают при калькулировании экономических действий. В современном обществе разрастаются все три множества:

Моральные дискурсы играют все более значительную роль, они обосновывают все большее количество прав, применение которых расширяется и затрагивает все большее количество людей.

Законодательство разрастается, конкретизируя большее количество прав и согласовывая их между собой. Все чаще конфликтующие стороны обращаются к праву для разрешения конфликтов.

Растет количество и объем трансакций, растут денежные суммы и круг людей, вовлеченных в экономические трансакции.

Одновременно разрастается и множество пересечений всех трех множеств.

Их расширение отражается в увеличении количества правовых нормативных актов, в увеличении количества страниц в сборниках имущественного, договорного и экономического права, в увеличении количества исков, находящихся в суде, по данным разделам права.

Объем валового общественного продукта в ФРГ (Западная Германия) возрос с 1950 года по 1992 год в ценах 1985 года с 378,1 миллиарда марок до 2,246 триллионов марок. Если взглянуть на развитие федерального законодательства с 1949 года, то можно увидеть, что почти за каждый легислатурный период принималось от 25 до 37 законов, относящихся к сфере экономики. В первый, четвертый и седьмой легислатурный период их даже принималось гораздо больше (соответственно 66, 46 и 53 закона), и лишь в девятый легислатурный период их было принято меньше, а именно 8. Выпуск правительственных распоряжений колебался от 98 до 199, за исключением первого легислатурного периода, когда было выпущено 351 правительственное распоряжение. Количество исков, находящихся на рассмотрении в гражданских судах (из которых подавляющая часть приходится на хозяйственные споры), возросло за период 1957-1991 г.г. с 1,1 миллиона до 2,2 миллионов, т.е. удвоилось. При этом основные доли составляют дела, связанные с арендой, куплей-продажей и дорожно-транспортными происшествиями (Statistisches Bundesamt 1960: 126, 140; 1970: 116; 1981: 89; 1993: 103, 397, 680).

Данные индикаторы свидетельствуют о том, что развитие современного общества характеризуется растущим взаимопроникновением экономики, права и морали, а также тем, что расширяющееся множество пересечения этих сфер обуславливает возникновение конфликтов, которые происходят из-за столкновения друг с другом требований, предъявляемых каждой из этих сфер. Для разрешения этих конфликтов

Экономическая деятельность есть нечто большее, чем аналитически выделяемый цикл платежей. Это деятельность субъектов, поэтому она всегда имеет моральную основу. Декларируемая либерализмом автономия экономики базируется в конечном счете на моральном консенсусе, который признает справедливым распределение вознаграждений в зависимости от результативности. В той мере, в какой этот принцип оказывается под сомнением и в какой эти сомнения удастся трансформировать в изменение действующего права, изменяется и программа экономической деятельности. Никакой существовавший ранее аутопойезис не может защитить систему экономики от подобных изменений, поскольку эта система сама базируется на морали и праве.

Моральное развитие современной экономики не остановилось на теории либерализма и на индивидуалистической профессиональной этике. С моральным становлением рационального капитализма на основе буржуазной индивидуалистической профессиональной этики появляется и рабочее движение, благодаря которому экономическая деятельность программируется с ориентацией на умножение благосостояния для всего населения, на поддержку менее конкурентноспособных членов общества более конкурентноспособными за счет прогрессивного налогообложения, на сохранение трудоспособности работников за счет мероприятий по охране труда, на повышение квалификации и рост производительности труда с помощью улучшения образования, профессиональной подготовки и переподготовки. Мораль экономики всеобщего благосостояния релятивировала и дополнила индивидуалистическую профессиональную этику как моральную основу экономики. В соответствии с этой моралью растущее количество платежей совершается не в зависимости от индивидуальных результатов экономической деятельности, а в виде так называемых трансфертов от более экономически сильных индивидуумов к более слабым, от экономически занятого населения к временно или постоянно нетрудоспособному. Поскольку речь здесь идет о платежах, которые повышают или снижают платежеспособность, то они сохраняют форму экономической коммуникации. Лишь их содержание дает информацию о том, кто, кому и при каких условиях совершает платеж, а само содержание определяется моральными основами программы экономики всеобщего благосостояния.

Экономика всеобщего благосостояния является новым моральным программированием экономической деятельности, которая и приобретает реальные черты только благодаря этому программированию.

Одновременно эта программа обуславливает рост производительности. Чем больше прав на материальное благосостояние предоставляется по моральным мотивам менее конкурентноспособным индивидуумам, временно или постоянно нетрудоспособным людям, тем больших результатов должно достичь экономически занятое население. Это возможно только путем повышения производительности и готовности экономически активной части населения отдавать долю заработка менее трудоспособным или вовсе нетрудоспособным. В этом смысле экономика всеобщего благосостояния подчиняется не столько экономическому аутопойезису, сколько морали, которая усилила давление на необходимость экономического роста по сравнению с моралью платежей в зависимости от индивидуальных результатов экономической деятельности.

Общество нашло новое устройство взаимосвязи между платежами и

уважением. В рамках индивидуалистической профессиональной этики мы пользуемся тем большим уважением, чем выше достигнутый нами результат, пользующийся общественным "спросом". Одновременно этот результат дает нам право на более высокую оплату по сравнению с теми людьми, результаты которых пользуются меньшим спросом, либо потому что этот результат никого не интересует, либо потому что такие же результаты предлагаются слишком многими. Мораль всеобщего благосостояния основывается на осознании того, что, несмотря на любые предпринимаемые усилия, не все способны добиться равных результатов, поскольку человек может уступать другому, будучи слишком молодым или слишком старым, будучи инвалидом, больным или немощным, будучи недостаточно квалифицированным, а кроме того человек может предлагать обществу такие результаты своей деятельности, которые на данный момент не пользуются соответствующим спросом. Тем не менее как сограждане они пользуются моральным уважением и поэтому имеют право на трансфертные платежи, обеспечивающие им достойную жизнь. Здесь опять устанавливается тесная взаимосвязь между платежом и уважением. Менее трудоспособные и нетрудоспособные получают трансфертные платежи, поскольку эти люди пользуются уважением как сограждане. Трудоспособных граждан обязывает к этому их моральный долг. Сами они пользуются большим или меньшим в зависимости от результатов своей деятельности и от трансфертов в пользу менее трудоспособных или нетрудоспособных. Таким образом о разрыве взаимосвязи между платежом и уважением не может быть и речи. Скорее, мораль экономики всеобщего благосостояния устанавливает точную взаимосвязь между ними. Она отличается от морали, основанной на принципе результативности, не тем, что мораль вторгается ныне в пространство, которое прежде было свободным от морали, а тем, что взаимосвязь между платежом и уважением, основанная на принципе результативности, с одной стороны, ограничивается, а, с другой стороны, дополняется взаимосвязью, основанной на принципе социальном. Индивидуалистическая профессиональная этика подчинила моральным правилам ту - стремительно расширяющуюся - сферу экономической деятельности, которая выпадала из традиционно-сословной морали средневековой схоластики как морально неполноценная. В этом смысле, индивидуалистическая профессиональная этика способствовала тому, что моральными нормами оказалась пронизанная сфера экономической деятельности, которая прежде не пользовалась особым "моральным вниманием". Индивидуальное достижение, самодисциплина, ответственность перед Богом или обществом стали моральными категориями рациональной экономической деятельности. Тем самым экономическая деятельность была освобождена от стремления к краткосрочной выгоде, от авантюризма и чистого спекулянтства, она превратилась в планомерное, долгосрочно ориентированное, рациональное хозяйство. Лишь благодаря этому "экономический рационализм" оформился в качестве основополагающей идеи современной экономики. "Экономический рационализм" служит продуктом взаимопересечения между зародившейся на моральном фундаменте самодисциплины и дальновидности, с одной стороны, и естественному стремлению к удовлетворению собственных потребностей в условиях дефицита ресурсов, с другой. Отказ от потребления с целью реинвестиции требует самодисциплины и дальновидности. Однако и стремление к удовлетворению собственных потребностей в условиях дефицита ресурсов влияет на формирование морали. Новая буржуазная мораль презирает безделье и расточительство аристократов, но одновременно она презирает недостаточную самодисциплину и трудовую самоотдачу "ленивых плебеев". Таким образом, мораль пронизывается императивами и реалиями экономики. Экономический рационализм становится моральной категорией. Развитие экономики всеобщего благосостояния изменило понимание экономической рациональности в моральном и экономическом плане, Исходным моментом послужил моральный протест против негативных социальных явлений капитализма, воспроизводящих нужду и нищету. Рабочее движение придало этому протесту политическое оформление (Pigou 1920/1960). По сравнению с достигательской моралью, ставящей во главу угла результат экономической деятельности, расширяется круг моральных оснований для платежей и круг получателей этих платежей. В этом смысле, моральные критерии глубже вторгаются в процессы платежей, чем это было прежде. Это вторжение морали в экономику оформляется новыми правовыми институтами, а именно свободой ассоциаций для наемных работников, правом на забастовки, тарифной автономией, коллективным заключением трудовых договоров, законом об уставе предприятия, участием трудовых коллективов в управлении предприятием, трудовым законодательством, законодательством об охране труда, системой обязательного социального страхования, системой прогрессивного налогообложения. Все эти нормы регулируют поток платежей в соответствии с содержательными критериями, имеющими своим основанием моральный консенсус, который оказывается шире мер исключительно правового принуждения. Одновременно представления об экономическом рационализме переориентируются с индивидуальной максимизации прибыли на ограничение потребления и расширение реинвестиций, что приводит к увеличению общественного благосостояния за счет экономического роста. Рабочие участвуют в экономическом росте не только в качестве производителей, но и в качестве потребителей. Поэтому представляется экономически рациональным из года в год повышать заработную плату, чтобы наращивать таким образом объемы потребления. Экономически рациональными начинают считаться расходы, на образование, профессиональную подготовку и переподготовку, на охрану труда и социальное обеспечение, а также перераспределение средств от прогрессивного налогообложения в пользу мер по охране труда, поскольку все это положительно влияет на повышение производительности труда и на растущий уровень потребления. По сравнению с экономикой либерализма экономика всеобщего благосостояния оказывается запрограммированной

гораздо более дальновидно (Berger 1921: 242-244).

Одновременно в сфере морали происходит переориентация на экономическое калькулирование. Государство, система социального и медицинского страхования, благотворительные организации распоряжаются растущей частью валового общественного продукта, которую приходится затрачивать с таким расчетом, чтобы добиться максимальной эффективности использования дефицитных ресурсов для реализации моральных притязаний все лиц, имеющих на это признаваемое право. Морально обоснованные социальные платежи подлежат точному экономическому планированию и учету. Солидарностная помощь, осуществляемая практически целиком в виде социальных платежей, регулируется в соответствующей мере экономическими императивами. Возникает необходимость постоянного контроля за тем, насколько рационально с экономической точки зрения расходуются дефицитные ресурсы. За этим следят ревизионные и аудиторские органы. Все это сопровождается конкуренцией за признание приоритетности тех или иных моральных притязаний. Конкуренция обостряется, поскольку моральные дискурсы расширяют круг моральных оснований для социальных платежей и круг лиц, претендующих на эти платежи. Для того, чтобы осуществить эти платежи, социальные и благотворительные учреждения или организации должны оптимально расходовать свои дефицитные ресурсы в интересах наибольшего совокупного эффекта, а экономика должна развиваться, увеличивая размеры общественного "пирога".

Экономика всеобщего благосостояния превратила в свою программу параллельный рост моральных и экономических платежей. Множество моральных притязаний и множество экономических платежей увеличиваются одновременно. Благодаря этому увеличению, образуется постоянно разрастающаяся зона взаимного проникновения, где пересекаются оба множества. Это зона, где платежи осуществляются не за результаты экономической деятельности, а на основе моральных притязаний. Здесь следует учесть, что сфера экономической деятельности находит моральную поддержку в виде принципа результативности, т.е. соответствия экономических платежей достигнутому результату, однако по отношению к социальным платежам теперь эта сфера воспринимается как сфера чистой экономики. Простейшим показателем расширяющегося множества пересечения между моралью и экономикой является ежегодный рост социальных затрат и их доли в валовом общественном продукте. Другим показателем растущего взаимопроникновения экономики и морали можно считать исчисленный в количестве страниц объем законов, правительственных распоряжений и иных нормативных актов в области трудового и социального права. То же самое можно сказать о количестве дел, которые находятся в производстве судов, занимающимися трудовыми и социальными спорами.

Социальные расходы возросли в Западной Германии за период 1965-1992 г.г. с 70,8 до 870 миллиардов немецких марок (в ценах соответствующего года).

С 1949 года в ходе каждого легислатурного периода выпускалось от 36 до 118 законов, относящихся к трудовой и социальной сфере. Исключение составляет лишь девятый легислатурный период, когда было выпущено только восемь законов. Что касается соответствующих правительственных распоряжений, то их число, начиная с третьего легислатурного периода, ежегодно колебалось от 68 до 118.

Ежегодное количество дел, находящихся в производстве в судах по рассмотрению трудовых споров, увеличилось за период 1958-1991 г.г. с 226 242 дел до 447 829 дел. Что касается дел, которые ежегодно рассматриваются в судах по социальным вопросам, то их количество сократилось за период 1959-1973 г.г. с 479 629 до 271 389 дел, но к 1985 г. оно возросло до 364 246 дел, а затем к 1991 г. вновь слегка снизилось до 343 947 дел. При этом, однако, следует учесть сокращающееся количество дел по социальному обеспечению жертв войны или снижающийся уровень несчастных случаев. Кроме того, у данных процессов есть свои конъюнктурные волны приливов и отливов, а потому тенденции должны прослеживаться в долгосрочной перспективе (Statistisches Bundesamt 1960: 140; 1961:124, 125, 1976: 399; 1970: 116; 1975: 130; 1981: 89; 1987:340; 1993: 103, 400, 495).

Морально обусловленные социальные платежи подчиняются одновременно, с одной стороны, дискурсивным законам обоснования моральных прав, а, с другой стороны, экономическим законам ресурсного дефицита и, с третьей стороны, - необходимости учитывать как те, так и другие законы. Моральные дискурсы обычно обосновывают больше прав, чем может быть реализовано в условиях ресурсного дефицита. Каким правам отдается приоритет и в каком объеме они могут быть реализованы, определяется дополнительно критериями эффективности, т.е. достижения максимальной общей пользы за счет наличных ресурсов. Расширенная модель принятия решений включает в себя также параметры политической борьбы, солидарностную инклюзию и эксклюзию, иерархию прав за счет юридических процедур. Это означает, что в зоне социальных платежей пересекаются не только моральные дискурсы и экономические платежи, но и политические схватки, и солидарностные отношения также участвуют в общем множестве пересечения. Решение о реализации тех или иных прав определяется, таким образом, не в последнюю очередь также борьбой за политическую власть и солидарностными отношениями. Так, чем выше солидарностная сплоченность нации, тем менее вероятна реализация - пусть даже морально обоснованных - прав тех индивидуумов, которые не принадлежат к данному солидарностному сообществу, и тем меньше шансов у этих индивидуумов стать полноправными членами данного сообщества. "Граждане мира", выступающие за то, чтобы граждане национального государства пользовались равными правами с иммигрантами, выпадают из сложившегося национального солидарностного сообщества и разрушают тем самым партикулярный моральный консенсус нации. Кому адресуются социальные платежи и в каком объеме, зависит уже не столько от достигнутого морального консенсуса (который реально

всегда является партикулярным), сколько на осуществлении притязаний путем процедур принятия политических решений. В данном случае необходимо заручиться поддержкой демократического большинства, чтобы добиться перераспределением социальных платежей. Моральные дискурсы могут здесь лишь нарушить сложившийся партикулярный консенсус. При этом в авангарде всегда будут выступать наиболее просвещенные граждане, которые откажутся от прежнего консенсуса с ретроgrадами, отстаивая расширение круга лиц, за которыми признаются обоснованными претензии на равные права.

Борьба за признание (Honneth 1992) является неизбежным следствием моральных дискурсов в условиях ресурсного дефицита. Поскольку сами дискурсы не в состоянии устранить ресурсный дефицит, то параллельно с моральными дискурсами разворачивается политическая борьба, усиливаются экономические императивы и солидарностные ограничения. Как обосновать, например, посредством дискурса, что обустройство в пассажирском транспорте удобных для инвалидов входов и выходов должно иметь более высокий приоритет, нежели уменьшение налоговой нагрузки на семейные бюджеты, или что увеличение помощи развивающимся странам, должно иметь более высокий приоритет по сравнению с внутренней социальной помощью, или что выплата пособий по безработице важнее, чем финансирование мероприятий по созданию рабочих мест, или что прием беженцев из Боснии должен стать более приоритетным, нежели прием руандийских беженцев?

Моральные дискурсы могут обосновать то или иное право, однако моральный дискурс не является механизмом принятия конкретного решения, особенно в условиях дефицита времени, ограниченных ресурсов и довольно избирательных чувств солидарности. Допустим самый благоприятный вариант, когда все члены общества приходят единодушному убеждению, что жители Африки имеют такое же право на жизнь, как и европейцы, однако даже в этом случае остается неясным, как реализовать это право и согласовать его с другими правами. Здесь даже нельзя ставить вопрос о каком-либо ранжировании, поскольку всякая такая попытка будет означать дискриминацию одних людей и выдачу привилегий другим. Ведь, с точки зрения морали, все люди должны обладать равными правами. Если федеральный Конституционный суд выносит вердикт, что антиконституционно устанавливать уровень дохода, с которого не взимаются налоги, ниже прожиточного минимума, то это само по себе еще не ограничивает никаких прав, хотя их реализация некоторых из них будет невозможной при повышении уровня доходов, не облагаемых налогом. Но такое решение остается уже прерогативой политики, поскольку здесь неизбежно приходится ранжировать те права, которые с точки зрения морали абсолютно равны по своему рангу. Причиной этого является ресурсный дефицит, ограниченность ресурсов, необходимость для реализации прав.

Совершенно неверно полагать, что моральные дискурсы способны внести положительный вклад в интеграцию общества. Ведь их логика нацелена на экспансию и максимально полную реализацию прав, что обостряет борьбу за признание, порождая конфликты, с которыми опять-таки нельзя справиться посредством морального дискурса, а лишь принятием решений на основе принципов:

о приоритетной солидарности (собственный социум имеет приоритет по сравнению с чужим социумом);

о политических процедурах (большинство имеет приоритет перед меньшинством);

о экономической эффективности (распределение средств, позволяющее достичь наибольшего совокупного эффекта).

В современном обществе функциональные системы образуют разрастающиеся множества с увеличивающимся множеством пересечений, в котором дискурсивно обоснованные моральные права должны учитывать такие факторы, как максимальная эффективность в использовании средств, мобилизация политической власти и активизация солидарностных настроений. Поэтому борьба за признание должна приобрести цивилизованный характер за счет соответствующих процедур, которые либо объединят в себе такие элементы, как моральный дискурс, солидарностная дифференциация, мобилизация политической власти и калькуляция экономической эффективности, либо позволят взаимодействовать параллельно сразу нескольким процедурам, каждая из которых отдаст приоритет тому или иному элементу. Разумеется, в государственных структурах будет доминировать ситуативное политическое большинство. Зато независимые общественные организации, занимающиеся социальными проблемами, могут ориентировать свою деятельность на социальные группы, которые не охвачены программами, отражающими волю политического большинства. При этом ситуация всегда будет складываться так, что одна социальная группа будет иметь предпочтение перед другой, солидарностные приоритеты ограничат круг реальных получателей социальных платежей, а наличные ресурсы будут распределяться между носителями в равной мере дискурсивно обоснованных моральных прав с учетом максимальной совокупной экономической эффективности. Такова объективная неизбежность, и расширение моральных дискурсов не только не устраняет, но еще более усугубляет ее.

Общество, в котором моральным дискурсам отводится все больше места (а в эпоху модерна это вполне обоснованно и неизбежно), одновременно расширяется и пространство для экономических императивов, для политических конфликтов, для активизации партикулярных солидарностных структур. Моральные дискурсы являются движущей силой модернизации. Однако попытка дополнительно нагрузить моральный дискурс задачей интеграции современного общества - как это делается в дискурсивной теории Хабермаса (Habermas 1981, 1992), - ведет к фундаментальному противоречию. От дискурса ожидается одновременно и установление, и устранение границ для функциональных сфер практического действия. Неверно также представлять себе функциональные системы общества в

виде замкнутых самодостаточностей, как это делает луманская теория аутопойесиса (Luhmann 1984, 1986, 1988, 1990, 1993). Эта теория не позволяет нам осознать тот факт, что в современном обществе разрастается пересекающееся множество между актами моральных платежей и экономических платежей, а также актами политических решений и активизации солидарностных структур в связи с чем нам постоянно приходится решать, как далеко простираются эти акты и как глубоко они взаимно проникают друг в друга. Никакой аутопойесис экономики не скажет нам, каким должен быть размер подмножества морально обоснованных социальных платежей, направленных на социальное обеспечение, на помощь инвалидам или беженца, на поддержку развивающихся стран, на пособия по безработице, на социальное страхование и т.п. Никакой аутопойесис экономики не сможет отвергнуть морально обоснованные и юридически узаконенные социальные платежи ссылками на то, что эти платежи подрвут платежеспособность всей экономической системы в целом. Однако приходится постоянно решать заново, насколько можно обеспечить реализацию тех или иных прав, не ставя под угрозу платежеспособность экономической системы. Вместе с тем расширение морально обоснованных социальных платежей всегда обуславливало повышение производительности, рост уровня потребления и, следовательно, экономический рост. В конце концов, благодаря, например, нашим болезням, медики не бедствуют, фармацевтическая отрасль стремительно развивается и так же интенсивно развивается сфера медицинского страхования. Все это доказывает, что сама по себе замкнутая циркуляция платежей была бы пустой; содержанием ее наполняют в значительной мере именно моральные притязания, благодаря которым и происходит реальный акт платежа. Из этого следует также, что "разрегулирование" экономики объясняется не аутопойесисом, а тем, что моральное, правовое и политическое программирование экономики всегда происходит в конкретных условиях ресурсного дефицита. Это обнаруживается сегодня в негативных экологических эффектах экономики всеобщего благосостояния, запрограммированной на безудержный рост. Мы не сумеем понять суть намечающейся структурной эволюции от экономики всеобщего благосостояния к экологической экономике, если не поймем происходящей эволюции морали. После перехода от сословно-традиционной морали к индивидуалистической профессиональной этике, а от нее - к морали экономики всеобщего благосостояния теперь, похож, обозначился третий значительный перелом, связанный со становлением морали экологической экономики. Равноправие женщин, включение развивающихся стран в глобальную экономику всеобщего благосостояния осуществляются пока в рамках господствующей парадигмы, нацеленной на экономический рост. Новая экологическая мораль расширяет наши права за счет права на здоровую окружающую среду, как бы ни трактовалось это понятия и в каких бы конкретных показателях, ограничивающих, например, выбросы вредных веществ это ни выражалось. Можно пока отвлечься от вопроса о том, насколько - во изменение привычных представлений - определенные права будут признаны за животными или природой. Даже признание личного права на здоровую окружающую среду является существенным расширением морально обоснованных прав, что влечет за собою соответствующие последствия для системы экономических платежей. Еще более далеко идущим фактором становится признание этого права за будущими поколениями. Негативные эффекты прежнего хозяйствования вообще осознаются как таковые и становятся факторами экономического калькулирования лишь в рамках новой экологической морали. Экологические институты называют астрономические суммы ущерба, обусловленного нынешними способами хозяйствования, хотя виновникам ущерба не приходится платить за него ни пфеннига. Идея "экономической рациональности", ведущая в экономике всеобщего благосостояния и реализованная в народнохозяйственном плане в виде темпов роста валового общественного продукта, теряет свою легитимность, хотя новая реализация расширенных представлений об "экономической рациональности" пока еще не состоялась (Leipert 1989, Wicke 1989). Как всегда, нынешнее здание господствующих экономических идей разрушается усилиями аутсайдеров, а большинство "нормальных" экономистов продолжает мыслить привычными категориями. Новая модель "экономической рациональности" предполагает включение в общую калькуляцию экологических затрат, которые никак не учитывались в рамках экономики всеобщего благосостояния. В то же время становится очевидным, что рынок как инструмент реализации новой ведущей идеи (идеала) обнаруживает свои границы, точно так же, как свои границы реализации имела ведущая идея (идеал) экономики всеобщего благосостояния (Berger 1991: 241).

Сейчас идут споры о том, какие дополнительные механизмы нужны для того, чтобы поставить рыночную экономику на экологические рельсы, как это было раньше при переходе к социальной рыночной экономике. Среди вариантов предлагается широкий диапазон мер - от запрещения экологически вредной деятельности до введения специальных сборов с тех, кто подвергает окружающую среду повышенной экологической нагрузке; рассматриваются варианты увеличения или снижения особого экологического налога в зависимости от экологичности производства, а также меры по поощрению экологичного производства вплоть до прямого субвенционирования экологической промышленности. При этом речь идет об управлении экономической системой с помощью "понятного" для экономики "языка цен". Казалось бы, лумановская теория экономического аутопойесиса получает тем самым свое подтверждение. Нельзя, однако, забывать, что в каждом случае необходимо принятие политического решения, которое затем и будет определять, кто, кому, за что и сколько будет платить, а что, возможно, и вовсе будет изъято из сферы свободного соответствия между спросом и предложением. При принятии же политического решения должны учитываться определенные моральные соображения, если ожидается, исполнение этого решения, преобразованного в действующее право, будет происходить не только за

счет прямого принуждения.

Поскольку платежи сами по себе являются актом бессодержательным, они могут быть ориентированы в желательном направлении с помощью практически любого инструмента. Для экономики нет какой-либо специфически адекватной формы управления. Все зависит от специфической цели. Если желательно обеспечить избирательность цели, то можно, например, запретить использование конкретных химических веществ, экологическая вредность которых доказана. Этим, однако, естественно не исключается, что альтернативные химические вещества могут также оказаться вредными. Если же желательно лишь сократить использование определенных ресурсов, поскольку нет реальных альтернатив, то достаточно ввести налоговые механизмы, которые будут стимулировать экономное расходование ресурсов. Размеры налогообложения определяются политическим раскладом сил, наличием демократического большинства. Это задает определенный уровень цен, что нельзя смешивать с естественной дефицитностью того или иного ресурса. Политическая цена ресурса свидетельствует о том, насколько дефицитным считает демократическое большинство данный ресурс, как, впрочем и рыночная цена ресурса определяется не его реальной дефицитностью, а соотношением спроса с присутствующим на рынке предложением. Кроме того в действие вступает и право собственности на данный ресурс, без чего соотношение спроса и предложения вообще невозможна. Поскольку, например, ни у кого нет права собственности на чистый воздух, за его использование не приходится и платить. Наконец, можно субвенционировать развитие экологической промышленности и лишить субвенций экологически вредное производство, чтобы ускорить реструктурирование промышленности. В политическом отношении легче, конечно, предоставить новые субвенции, нежели ликвидировать старые. Поэтому зачастую принимаются решения о предоставлении новых субвенций без ликвидации старых.

Какой бы инструмент ни был избран, любой из них подразумевает:

о во-первых, расширение моральных прав за счет права на здоровую окружающую среду - в том числе и для будущих поколений;

о во-вторых, более широкую интерпретацию понятия экономической рациональности с учетом того, что экология представляет собою дефицитный ресурс;

о в-третьих, увеличение множества пересечений между моральными правами и экономическими платежами за счет всех тех платежей, которые направлены на сохранение здоровой окружающей среды.

Индикаторами, свидетельствующими о том, что множество пересечений расширяется, можно считать рост расходов на охрану окружающей среды и рост их доли в валовом общественном продукте; увеличение объема экологического права, исчисляемого количеством страниц в соответствующих законах, правительственных распоряжениях и иных нормативных актах; рост количества дел, находящихся в судебном производстве и относящихся к экологическому праву.

В ФРГ (Западная Германия) расходы промышленного сектора и государства на охрану окружающей среды возросли за период 1975-1991 г.г. с 20 миллиардов марок до 35,4 миллиардов марок (в ценах 1985 года).

За десятый и одиннадцатый законодательный период под рубрикой "Окружающая среда, природоохранительная сфера, безопасность атомных реакторов" выпущено соответственно 6 и 14 законов, а также 6 и 38 правительственных распоряжений.

Ежегодное количество зарегистрированных правонарушений в области экологического права возросло за период 1981-1990 г.г. с 5 781 случаев до 21 412 (Statistisches Bundesamt 1987: 592; 1993: 103, 748, 750).

Так одновременно расширяются множество моральных прав, множество экономических платежей и множество их пересечения, т.е. морально обусловленных платежей. Это процесс мы и называем взаимопроникновением экономики и морали. С переходом к экологической экономике он выходит на новый уровень, который характеризуется обострением конфликтов.

Чем больше множество пересечений, т.е. морально обусловленных платежей, тем больше должно быть принято решений относительно того, куда и в каких объемах должны идти эти платежи. Теперь данные платежи отчуждаются от сферы рыночной аллокации, которая регулируется принципом рентабельности, и от сферы экономики всеобщего благосостояния, аллокация которой регулируется принципом удовлетворения социальных потребностей, с тем, чтобы эти платежи перешли в сферу новой аллокации, которая регулируется принципом сохранения окружающей среды. Рынок предполагает модель аллокации в соответствии с экономическим либерализмом. Экономика всеобщего благосостояния имеет свою модель аллокации, элементами которой являются коллективный трудовой договор, система социального страхования и прогрессивное налогообложение. Экологическая экономика пока не сформировала адекватную модель аллокации, такую модель еще предстоит создать. Решающую роль здесь играет вопрос о том, какие права будущих поколений на здоровую окружающую среду должны обеспечиваться уже сегодня, хотя экологические негативные последствия, обусловленные экономикой всеобщего благосостояния дадут знать о себе, нанося непосредственный вред здоровью людей, лишь через несколько десятилетий. Нынешние демократические процедуры принятия решений предполагает участие в них лишь ныне живущих поколений людей, имеющих право голоса. Следует ли изменить эти процедуры, поскольку новая экологическая этика требует учесть права будущих поколений и поскольку новая рациональность экологической экономики предполагает следование более дальновидным стратегиям, нежели экономика всеобщего благосостояния?

Обнаруживается потребность в перестройке нынешних процедур принятия решений в расширенном множестве пересечений между экономикой, моралью, политикой и солидарностью. Эту потребность нельзя удовлетворить ни обращением к моральному дискурсу, ни обращением к аутопойесису функциональных систем. Моральные дискурсы увеличивают

множество моральных прав, однако не указывают, каким именно образом могут быть реализованы эти права в условиях ресурсного дефицита. Обращение к аутопойесису функциональных систем означает, что растущее множество пересечений отдается во власть нового хаоса войны всех против всех без каких-либо признаваемых всеми правил (Hobbes 1651/1966); здесь не учитывается огромная потребность в регулирующих институциях, которые действовали бы поверх границ, разделяющих функциональные системы. Удивительно, но теория дискурса и теория аутопойесиса страдают одним и тем же недостатком. Обе теории не предлагают никаких решений для проблем интеграции современного общества. Теория дискурса оказывается бессильной, поскольку перегружает дискурс двойной функцией - инновации и интеграции (Habermas 1981, 1992). Теория аутопойесиса оказывается бессильной, поскольку она вообще не видит потребностей в интеграции за пределами аутопойесиса и рассматривает институциональные структуры лишь в той мере, в какой они обеспечивают программирование замкнутых в себе функциональных систем (Luhmann 1986, 1988).

7) Мораль и экономика: элементы создания связующего звена

С распадом сословного общества происходит одновременная экспансия морали и экономики, экспансия морали - под воздействием интеллектуального дискурса, экспансия экономики - под воздействием свободной рыночной конкуренции. Без связующих звеньев они приходят в столкновение и постоянный конфликт, не проникая взаимно друг в друга. Лишь создание связующих звеньев в виде профессиональной деятельности, которая ужена стадии профессиональной подготовки вырабатывает двустороннюю ориентацию, а также в виде различных смешанных комиссий обеспечивает взаимопроникновение экономики и морали. Именно здесь возникают новые задачи перед университетами. Конфликт между моралью и экономикой обстрояется, если профессиональная подготовка отрывается от вопросов морали, а сами вопросы морали остаются прерогативой философских дискурсов и общественных дебатов. Университеты не справляются со своей задачей, если они не вносят собственного вклада в преодоление конфликта между экономикой и моралью с помощью междисциплинарных проектов, с помощью ориентации культурологических наук на проблемы морали, социальных наук - на конфликтологические проблемы, а экономических, естественных и технических наук - на решение технических и экономических проблем.

(...)

Система профессиональной деятельности, трудовое, социальное и экологическое право являются частями экономической и частями моральной системы, они образуют зоны взаимопроникновения и связующие звенья для взаимной транспортировки экономических и моральных требований в сферы экономического и морального поведения. Системы экономического и морального поведения, платежей и распределения морального уважения хотя и являются развитыми функциональными системами, однако они не регулируются принципом аутопойесиса. Они открыты друг для друга. Только это создает возможность, например, для того, чтобы мораль социальной обеспеченности для всех руководствовалась критериями экономической необходимости, а направленная на извлечение прибыли экономическая деятельность подчинялась моральным критериям порядочности. Эмпирическая дифференциация. Функциональных систем морали и экономики не должна смешиваться с аналитическим разграничением обеих систем. Только с аналитической точки зрения можно говорить о замкнутом круговороте платежей или распределения уважения.

Если уважение ко мне растет, то и я могу положить большее уважение на чашу весов в пользу того или иного человека, поскольку к моему мнению теперь прислушиваются сильнее, чем прежде, однако это не означает, что у меня автоматически появляется больше денег, чтобы совершать больше платежей, чем я мог сделать до сих пор. И наоборот. Однако это не исключает и того, что растущее уважение ко мне, позволит мне улучшить мой экономический потенциал и даст возможность увеличить платежи или что увеличение платежей в адрес других партнеров увеличит их уважение ко мне. В этом смысле оба круговорота могут вполне войти в конкретную взаимосвязь. Как именно будет выглядеть это конкретная взаимосвязь, зависит от системы общественных регуляторов. Данная система претерпела существенную эволюцию при переходе от индивидуалистической профессиональной этики к морали всеобщего благосостояния и далее к экологической этике. Современное "функционально дифференцированное" общество отличается от сословного общества не тем, что последовательно разграничивает оба круговорота, а тем, что заменяет одну форму взаимосвязи между ними на другую. Место сословной иерархии поначалу занимает равенство и распределение уважения в зависимости от результатов индивидуальной деятельности, достигнутых в экономической конкурентной борьбе на условиях равенства шансов. Закостеневший симбиоз морали и экономики, присущий сословному обществу, сменяется динамичным, непрерывно эволюционирующим симбиозом морали и экономики, который обусловлен их взаимопроникновением. Эта взаимосвязь между платежами и уважением дополняется в экономике всеобщего благосостояния принципом социальной потребности, а в экологической экономике - принципом сохранения окружающей среды.

(...)

Предложенная Луманом (Luhmann 1992) концепция структурной стыковки не является реальным выходом из тупика (Munch 1992a).

8) Экологический кризис и морально-экономическая структурная эволюция

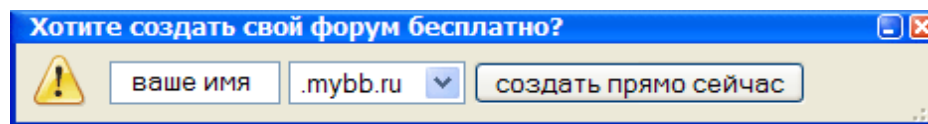

Кризис экономического либерализма был обусловлен не только экономическими, но и моральными факторами. Экономика всеобщего благосостояния преодолела этот кризис не тем, что мораль наложила ограничения на экономику, а одновременным расширением моральных прав и экономического рационализма. Кризис экономики всеобщего благосостояния обусловлен не только экономическими, но и моральными факторами. Экологическая экономика будущего сможет преодолеть его лишь одновременной экспансией как моральных прав, так и экономического рационализма. При этом новой экологической экономике придется сократить относительную долю платежей, основанных на принципе результатов индивидуальной экономической деятельности и на принципе социальной обеспеченности, в пользу платежей, основанных на принципе сохранения окружающей среды, как в свое время экономика всеобщего благосостояния уменьшила относительную долю платежей по принципу результатов индивидуальной экономической деятельности в пользу платежей по принципу социальной обеспеченности. Пока происходит экономический рост, это не обязательно приводит к абсолютному сокращению платежей по принципу результатов индивидуальной экономической деятельности или платежей по социальному принципу, но когда экономического роста нет, то такие сокращения могут последовать. Если интересы сохранения окружающей среды потребуют отказаться от экономического роста, то новые конфликты перераспределения неизбежны. Борьба за признание в любом случае обострится, поскольку будет необходимо реализовывать больше прав, чем раньше. Отсюда возникнет потребность в новых институтах, которые исполняют роль посредников между моральными дискурсами и экономическими императивами. Сами моральные дискурсы не могут сыграть посредническую роль, поскольку они подчиняются логике экспансии и исчерпывающей реализации прав, однако для осуществления прав нельзя обойтись без расстановки приоритетов, что достигается путем принятия политических решений, путем взаимного признания на основе наличных солидарностных отношений и путем экономической оптимизации в условиях ресурсного дефицита. В реальной жизни не удастся реализовать все те права, которые получили моральные обоснования. Когда в конкуренцию вступают равно обоснованные права, то дискурсы не способны продвинуть дело дальше, поскольку их роль ограничивается констатацией равной обоснованностью прав. Реализация одних прав всегда предполагает ограничение других прав, поэтому помимо дискурсов неизбежно принятие определенных решений. Дискурс может лишь указать на справедливость равного ограничения всех прав, поскольку все они остаются в равной степени признанными. При этом даже не уточняется, к кому относится данное равенство, как сделать выбор между двумя конкурирующими правами, которые не могут быть реализованы одновременно даже в усеченном виде, и по какому критерию равенства следует распределять дефицитные ресурсы. Все ли люди, все ли граждане государства, все ли группы или только своя социальная группа могут претендовать на равные платежи независимо от индивидуальных результатов экономической деятельности или же речь идет лишь о равенстве шансов для участия в экономической конкуренции, по результатам которой в зависимости от спроса будут совершаться платежи? Как далеко должна заходить помощь для обеспечения равных стартовых условий, какие платежи должны перераспределяться от конкурентноспособных граждан в пользу неконкурентноспособных? В каком соотношении должны находиться платежи, основанные на экологическом принципе, с платежами, основанными на социальном принципе или принцип индивидуальной экономической результативности? Разумеется, по всем этим вопросам можно вести моральные дискурсы, поскольку они способствуют прояснению ситуации. Но моральный дискурс никогда не дойдет до некоего предела, за которым размышления по данному вопросу не могут быть продолжены дальше. Они всегда останутся открытыми даже в том случае, если право точно определено и признано, соответствующее обязательное решение признано, а дефицитные ресурсы для реализации этого решения выделены. Для дальнейших решений могут использоваться только недискурсивные процедуры. Наличные солидарностные структуры и соотношения определяют, на кого распространяется равенство прав; решения на базе демократического большинства прекращают конфликт между различными правами; калькулятивный подход распределяет дефицитные ресурсы не по принципу легитимности прав, а по принципу максимизации совокупной эффективности использования ресурсов. Моральные дискурсы вмешиваются в данные процедуры, обнаруживая нелегитимное ограничение тех или иных прав. Однако дискурс не может заменить процедуры принятия решений, поскольку он по своей специфической природе - бесконечен. Консенсус, достигаемый в ходе дискурса, всегда партикулярен и нуждается в продолжении дискурса. Согласие относительно конкретного тезиса достигается лишь потому, что в данный момент никому не приходит в голову подходящий контраргумент, или потому, что на дальнейшие размышления просто не хватает времени, или же потому, что на участников дискурса нашло, скажем, временное затмение. Все это недискурсивные элементы, однако, они облегчают достижение согласия. Неверно, однако, приписывать это согласие самой природе дискурса. Это означает, что дискурс может привести к согласию и к принятию обязательного решения только в сочетании с недискурсивными элементами. Это происходит даже тогда, когда единственным критерием для принятия решения считается наличие достигнутого консенсуса. Не закрытость аутопойесиса экономики для моральных регуляторов и не недоразвитость моральных дискурсов повинны в экологическом кризисе современного общества. Более глубокие корни этого кризиса кроются в том, мораль экономики всеобщего благосостояния фактически продолжает доминировать. Речь идет не столько о том, чтобы морализировать экономику, уклоняющуюся от морального регулирования, и не столько о том, чтобы расширить сферу моральных дискурсов, чтобы устранить

моральные дефициты экономической системы. Речь в большей мере идет о структурной эволюции самой морали. Экономике можно подчинить и экологическому управлению, как раньше она уже была подчинена управлению со стороны социального государства. Чем скорее произойдет структурная эволюция от морали всеобщего благосостояния к экологической морали, тем значительнее это скажется на перераспределении платежей от тех, что совершаются на основе принципа экономической результативности и социальной обеспеченности, в пользу тех, что совершаются на принципе сохранения окружающей среды. Если цена одного литра бензина повысится до пяти марок, то экономика как таковая от этого еще не рухнет. Однако это приведет к перераспределению платежей, будь то платежи по принципу индивидуальной экономической результативности или по принципу социальной обеспеченности, против чего и возникает протест прежних адресатов данных платежей. Разумеется, у моральных дискурсов есть здесь своя задача. Однако она состоит не во внедрении якобы не существовавшего ранее морального регулирования экономики, а в подготовке реструктурирования этого регулирования с помощью дополнения принципа результативности и социального принципа принципом сохранения окружающей среды.

Понятно, что, даже совершив структурную эволюцию, общество коммуницирует с самим собой, а не с природой (Luhmann 1986). Однако оно состоит с природой в отношениях взаимобмена, которые - в результате внутренней структурной эволюции общества к экологической экономике - могут сложиться более благоприятно для обеих сторон, чем это было прежде. Во всяком случае, перед учеными-естественниками стоит задача предложить нечто большее, нежели дальнейшее нагромождение самозамкнутых конструкций, которые ничего не говорят о самой природе.

Темы: (нет) [\[Редактировать\]](#)

[На главную](#) | [Новые книги](#) | [Каталоги: Именной Хронологический Авторы](#) | [Форум](#) | [Ссылки](#) | [Связь](#) | [Site Map](#)

РЕЙТИНГ 20657863
mail.ru 17379
5228

Allbest.ru
ИЗБРАН *****

4743

REFER
КАТАЛОГ

[sitemap:](#)

Все права на книги принадлежат их [авторам](#). Если Вы автор той или иной книги и не желаете, чтобы книга была опубликована на этом сайте, [сообщите нам](#).